

ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ПОДОЗРЕНИЯ ЛИЦА В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО: ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

В статье рассматривается вопрос о разграничении оснований для задержания подозреваемого как меры процессуального принуждения и оснований для подозрения лица в совершении преступления как формы осуществления уголовного преследования. Методологически отталкиваясь от целей задержания подозреваемого, автор приходит к выводу, что предусмотренные ст. 91 УПК РФ юридические факты на самом деле являются основаниями для подозрения, то есть позволяют предположить (выдвинуть версию) о причастности лица к совершению преступления. А основания для задержания подозреваемого ввиду близости целей этой меры принуждения к целям мер уголовно-процессуального пресечения должны быть сформулированы с учетом правовой преемственности к ст. 97 УПК РФ.

Ключевые слова: задержание подозреваемого; основания для задержания подозреваемого; подозрение в совершении преступления; подозреваемый; меры уголовно-процессуального принуждения.

Современные механизмы досудебного производства по уголовному делу уже невозможно представить без предусмотренной гл. 12 УПК РФ процедуры задержания подозреваемого в совершении преступления. Вопросы теории, нормативного регулирования и практики задержания подозреваемого традиционно привлекали внимание отечественных ученых; в последнее время эти проблемы получили новый импульс для своего развития в связи с признанием Российской Федерацией приоритета прав и свобод личности, ратификацией международно-правовых документов в этой области и имплантацией в национальную систему уголовно-процессуального права ряда позиций Европейского Суда по правам человека.

Вместе с тем, несмотря на повышенный интерес к данной ночной проблематике, некоторые аспекты задержания подозреваемого в уголовном судопроиз-

водстве не привлекали должного внимания исследователей и поэтому нуждаются в дальнейшем изучении и осмыслении. В частности, на наш взгляд, много неразрешенных вопросов остается в части правовой регламентации оснований для задержания подозреваемого. Ученые процессуалисты традиционно либо вообще не поднимали этих проблем, ограничиваясь лишь констатацией соответствующей правовой нормы (ст. 91 УПК РФ, ст. 122 УПК РСФСР и т.д.) [8, с. 51–52 ; 12, с. 140 ; 22, с. 31 ; 39, с. 32 ; 41, с. 29], либо раскрывали основания для задержания подозреваемого через их доктринальное толкование, то есть анализировали определенные юридические факты, подпадающие под смысл указанных статей уголовно-процессуального закона [1, с. 81–85 ; 4, с. 41–49 ; 6, с. 43–46 ; 26, с. 32–33 ; 35, 9–11]. При этом основания для задержания подозреваемого

остаются практически нерассмотренными с методологических позиций, то есть в контексте самой сущности и целей данной меры уголовно-процессуального принуждения. А между тем при такой постановке вопроса становится очевидной весьма серьезная научная проблема, ставящая под сомнение и само содержание ст. 91 УПК РФ, и правомерность соответствующей следственной практики.

Итак, современное уголовно-процессуальное законодательство предусматривает четыре основания¹, каждое из которых является ничем иным, как правой гипотезой, позволяющей органу дознания (дознавателю) или следователю принять процессуальное решение о задержании лица по подозрению в совершении преступления. Напомним, что в ранее действующем законодательстве СССР и союзных республик имелись практически идентичные правовые конструкции; близкие по смыслу нормы содержатся и в УПК государств, возникших на постсоветском пространстве (Белоруссии, Армении, Украины, Грузии и т.д.). Следовательно, любое основание для задержания подозреваемого должно предполагать некий юридический факт, обуславливающий необходимость применения соответствующей правовой диспозиции, то есть достижения целей, ради которых в систему уголовно-процессуального регулирования, собственно говоря, и введена данная мера принуждения. Но так ли это на самом деле?

Думается, что для ответа на данный вопрос следует прежде всего определиться с целями задержания подозреваемого, которые, к великому сожалению, не находят отражения в тексте УПК РФ, однако достаточно подробно рассмотрены в юридической литературе. Еще в 1961 г. Ю.Д. Лившиц и А.Я. Гинзбург

писали, что задержание подозреваемого направлено на воспрепятствование уклонению лица от органов предварительного расследования и на пресечение возможности совершения новых преступлений [26, с. 30]. Л.Л. Зайцева и А.Г. Пурс отмечают, что общевидовой перспективной целью для любого вида задержания является обеспечение надлежащих условий для осуществления уголовно-процессуальной деятельности, а общевидовой ближайшей целью – обеспечение надлежащего поведения лица [13, с. 26]. А В.М. Корнуков связывает цели (назначение) задержания подозреваемого с исключением возможности уклонения от органов предварительного расследования и иного противодействия осуществлению этой деятельности [44, с. 199]. Близкие по смыслу точки зрения высказываются и другими учеными [4, с. 11 ; 6, с. 43–46 ; 17, с. 21 ; 18, с. 140 ; 27, с. 8]. Кстати, подобные позиции в свое время находили отражение в ст. 257 Устава уголовного судопроизводства Российской империи и в ст. 100 УПК РСФСР 1923 г.

Некоторые авторы, основываясь на действовавшем ранее специальном нормативно-правовом акте – Положении о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления², связывают цели применения данной меры принуждения с выяснением причастности задержанного к преступлению и разрешением вопроса о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу [5, с. 25–26 ; 20, с. 224 ; 34, с. 230 ; 45, с. 242–243 ; 46, с. 225]. Однако мы не можем согласиться с Л.Л. Зайцевой и А.Г. Пурсом, как бы противопоставляющими указанную точку зрения вышеприведенным взглядам на цели задержания подозреваемого [13, с. 25]. Полагаем, что данные противоречия имеют несколько

¹ Мы не считаем необходимым дословно перечислять предусмотренные ст. 91 УПК РФ основания для задержания подозреваемого, предполагая, что каждый специалист прекрасно осведомлен о содержании данной правовой нормы.

² Указ Президиума ВС СССР от 13 июля 1976 г. № 4203-IX «Об утверждении Положения о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления».

надуманный характер и обусловлены не совсем корректной формулировкой ст. 1 названного Положения. Цели задержания действительно не следует ставить в прямую зависимость от дальнейшего применения меры принуждения и выяснения причастности лица к совершению преступления (эти вопросы вполне могут быть разрешены и без задержания подозреваемого). Однако в случаях возникновения опасности противодействия предварительному расследованию со стороны подозреваемого именно его задержание обеспечивает возможность производства ряда следственных и иных процессуальных действий с его участием, позволяющих проверить его причастность к совершению преступления, а также установить основания и осуществить процедуру избрания в отношении него меры пресечения. Причем особую актуальность задержание подозреваемого приобретает в связи с дальнейшей перспективой применения к лицу заключения под стражу, домашнего ареста или залога, требующих проведения специального судебного заседания и вынесения соответствующего судебного решения.

В результате комплексного анализа всех вышеуказанных научных позиций напрашивается вывод, что *основной целью задержания подозреваемого* является обеспечение нахождения лица в условиях процессуальной доступности для производства с его участием следственных действий и иных процессуальных процедур, направленных на установление его причастности к совершению преступления и решение вопросов о возможности применения к нему мер уголовно-процессуального принуждения³. В качестве дополнительных, но не менее важных целей задержания подозреваемого следует назвать воспрепятствование другим формам противодействия расследованию (воздействию на свидетелей, экспертов, уничтожению дока-

зательств и т.д.), а также продолжению иной преступной деятельности.

В подобном контексте цели задержания подозреваемого становятся весьма близки (может быть, даже тождественны) целям мер процессуального пресечения⁴. На данное обстоятельство уже обращалось внимание в некоторых научных публикациях [13, с. 25]. И в этом нет ничего удивительного. Ведь задержание подозреваемого фактически представляет собой упрощенный и краткосрочный вариант наиболее строгой меры уголовно-процессуального пресечения – заключения под стражу; обе эти меры принуждения сопряжены с временной изоляцией лица от общества в порядке, предусмотренном специальным федеральным законом⁵. Основное преимущество задержания – его оперативность, возможность в кратчайшие сроки обеспечить достижение вышеназванных целей без необходимости проведения сложной процедуры получения судебного решения. В этой связи И. М. Гуткин был совершенно прав, отмечая, что потребность в задержании возникает в случае необходимости заключения лица под стражу, когда немедленное применения этой меры пресечения по тем или иным причинам невозможно [9, с. 8].

Тождество, по крайней мере сходство, целей задержания подозреваемого и предусмотренных гл. 13 УПК РФ мер уголовно-процессуального пресечения методологически должно обуславливать и единые основания для их применения, вытекающие из данных целей. Однако законодатель решает этот вопрос несколько иначе. Прямая взаимосвязь целей и соот-

⁴ Напомним, что по мнению большинства специалистов, работающих в этом направлении науки уголовного процесса, таковыми являются: воспрепятствование уклонению от явки в органы предварительного расследования, в суд или иным формам противодействия производству по уголовному делу, продолжению преступной деятельности, созданию препятствий для исполнения приговора [10, с. 6; 25, с. 14; 28, с. 15, 19; 29, с. 9; 38, с. 273; 40, с. 27].

⁵ Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

³ Подобную позицию мы уже высказывали в более ранних работах [33, с. 247].

ветствующих оснований предусмотрена лишь в части правовой регламентации мер пресечения (ст. 97 УПК РФ); для задержания подозреваемого установлены совершенно иные основания (ст. 91 УПК РФ), которые никоим образом не согласуются с его целями. В этой связи мы не можем согласиться с А.М. Панокиным, утверждающим, что цели задержания производны от оснований для избрания меры пресечения [30, с. 484]. Ведь методологически цели любого акта человеческой деятельности могут находиться в причинно-следственной связи лишь с основаниями (с причинами) этого же самого акта. Таким образом, основания задержания могут обуславливаться только его целями, равно как основания для избрания мер принуждения – только целями мер принуждения. Кстати, при этом автор вообще путает причину и следствие местами, поскольку, как известно, не цели зависят от оснований, а наоборот.

Несогласованность целей и установленных законом оснований для задержания подозреваемого представляет собой не только теоретическую, но и сугубо прикладную проблему. Она приводит к существенным ошибкам, возникающим в следственной практике, и негативно сказывается на правах и свободах конкретных лиц. Постараемся проиллюстрировать это на примере из нашей собственной практики. Осенью 1996 г. сотрудниками УБЭП ГУВД г. Москвы был задержан некто А.М. Миносян, который, находясь на площади Курского вокзала, пытался незаконно сбыть несколько слитков драгоценного металла – серебра, ранее выплавленных им из частей радиодеталей, найденных на свалке военных отходов. В этот же день дежурный следователь возбудил уголовное дело по ч. 1 ст. 191 УК РФ и задержал А.М. Миносяна по действующей тогда ст. 122 УПК РСФСР (в связи с тем, что подозреваемый был застигнут в момент совершения преступления и что при нем оказались явные следы преступления). Вполне оче-

видно, что законность и обоснованность данного решения не вызвала никаких сомнений, поскольку вышеуказанные основания полностью подтверждались результатами проведенных следственных действий. Приняв на следующий день уголовное дело к своему производству, мы пришли к выводу, что в связи со сравнительно небольшой тяжестью содеянного и обстоятельствами, положительно характеризующими личность подозреваемого⁶, необходимость его дальнейшего нахождения под стражей отсутствовала. Было принято решение о незамедлительном освобождении А.М. Миносяна, хотя по действующему в то время закону он мог находиться в изоляторе временного содержания до 72 часов. В данном случае ошибка дежурного следователя вполне очевидна.

Прекрасно понимая бесперспективность дальнейшего ареста подозреваемых, сотрудники органов предварительного расследования, оказываясь в подобных ситуациях, зачастую принимают решения о задержании подозреваемых исключительно по формальным основаниям, установленным ст. 91 УПК РФ. В части задержания даже не предусмотрена правовая норма, предполагающая необходимость изучения всех нюансов личности подозреваемого и других обстоятельств, влияющих на указанное решение (по аналогии со ст. 99 УПК РФ). Поэтому действующий уголовно-процессуальный закон и основанная на нем следственная практика не только приводят к ограничению конституционного права подозреваемых на свободу и личную неприкосновенность, но и фактически лишают их возможности обжалования таких решений. Кстати, о полной бесперспективности практики обжалования задержаний лиц по подозрению в совершении преступлений заяв-

⁶ Подозреваемый совершил данное деяние впервые, ввиду тяжелого материального положения; имел постоянное место жительства и полноценную семью, включая двух несовершеннолетних детей.

ляют и многие практические работники, в первую очередь адвокаты.

А причина всего этого вполне очевидна: допуская указанную выше методологическую ошибку, законодатель игнорирует цели задержания подозреваемого и в ст. 91 УПК РФ фактически регламентирует не основания для применения данной меры принуждения, а основания совершенно иного рода – для подозрения лица в совершении преступления. Причем подобная ситуация, безусловно, является следствием отсутствия законодательной определенности к категории «подозрение в совершении преступления». В силу ограниченного объема настоящей статьи мы не можем позволить себе углубиться в рассмотрение данных вопросов. Однако при этом необходимо констатировать явные пробелы, связанные с нормативной регламентацией подозрения в совершении преступления, влекущие за собой неоднозначное понимание статуса подозреваемого. Причем в современных условиях эта проблема приобрела особую актуальность ввиду невозможности игнорирования имеющихся по данному поводу правовых позиций Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека. Многие отечественные ученые традиционно рассматривали и продолжают рассматривать сущность подозреваемого через процедуру его вступления в уголовное дело, то есть по формальным признакам [1, с. 43 ; 7, с. 3–4 ; 21, с. 157 ; 24, с. 460–461 ; 48, с. 113]. Более того, некоторые авторы даже пытались обосновать ошибочность научных позиций, направленных на рассмотрение фигуры подозреваемого через категорию «подозрение» [47, с. 91].

Вместе с тем представляется, что сущность любого участника уголовного судопроизводства должна определяться не через какие-то формальные условия его вступления в процессуальные правоотношения, а через фактические обстоятельства, предполагающие необходимость его наделения определенными правами

и обязанностями. Таким образом, участие в уголовном деле подозреваемого, безусловно, является производным от категории «подозрение в совершении преступления». Отдельные попытки рассмотрения подозреваемого в подобном контексте предпринимались еще в некоторых работах советского периода [2, с. 21–24 ; 14, с. 8–9 ; 15, с. 21–24 ; 38, с. 236]. В последнее время ученые стали уделять значительно больше внимания исследованию категории «подозрение в совершении преступления» и ее использованию в качестве методологической основы для определения статуса подозреваемого [34, с. 123 ; 36, с. 1474–1479 ; 37, с. 106–112]. Большую роль в этом вопросе в свое время сыграло достаточно знаковое постановление Конституционного Суда РФ по делу В.И. Маслова, где было отмечено, что понятие «подозрение» следует толковать не в сугубо узком (уголовно-процессуальном), а более широком (конституционно-правовом) смысле [3, с. 384 ; 11, с. 8–10 ; 12, с. 62 ; 19, с. 51 ; 31, с. 106 ; 34, с. 123 ; 36, с. 1474–1479 ; 37, с. 106–112].

На наш взгляд, подозрением в совершении преступления следует считать такую форму уголовного преследования, которая осуществляется при наличии сведений, позволяющих полагать о совершении лицом преступления, но в условиях недостаточности доказательств для предъявления ему обвинения. Следовательно, подозреваемый – это участник уголовного судопроизводства, находящийся на начальном этапе осуществления в отношении него уголовного преследования, когда государство уже имеет по отношению к нему определенные, но еще недостаточно обоснованные уголовно-правовые претензии [32, с. 38 ; 33, с. 152].

Под таким углом зрения становится вполне очевидно, что предусмотренные ст. 91 УПК РФ основания не имеют прямого отношения к задержанию подозреваемого как к мере принуждения. На самом деле они представляют собой типичные

юридические факты, позволяющие выдвинуть предположение (версию) о совершении лицом преступления. То есть – это не что иное, как основания для подозрения. Например, к какому выводу должен прийти следователь, застигнув лицо на месте или обнаружив при нем (в его одежде, жилище и т.д.) явные следы преступления? О том, что это лицо может скрыться или будет продолжать преступную деятельность? Или все-таки о том, что данное лицо каким-то образом причастно к совершенному деянию? Ответ на данный вопрос вполне очевиден.

Более того, анализ уголовно-процессуального закона вообще позволяет констатировать большую правовую неопределенность с основаниями для задержания подозреваемого и основаниями для подозрения лица в совершении преступления. Создается впечатление, что разработчики УПК РФ сами запутались в этих правовых категориях. Так, в части 2 статьи 91 УПК РФ фактически говорится, что при наличии специальных правовых условий орган дознания, дознаватель или следователь вправе задержать лицо лишь на основании подозрения в совершении преступления. В пункте 1 части 1 статьи 94 УПК РФ определено, что задержанный подлежит освобождению в случае не подтверждения подозрения в совершении преступления и т.д. Такая же неопределенность прослеживается и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, посвященного практике заключения под стражу, залога и домашнего ареста⁷. В пункте 2 данного документа прямо разъясняется о необходимости проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению, под которой Верховный Суд понимает наличие оснований, предусмотренных для задержания подозреваемого.

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога».

Отдельные авторы пытаются найти своеобразный выход из сложившейся ситуации посредством использования еще одной категории – «мотивы задержания». Тем более, что согласно ч. 2 ст. 92 УПК РФ такие мотивы в обязательном порядке должны быть указаны в протоколе задержания подозреваемого. В ряде публикаций высказывается мнение, что основания для задержания прямо предусмотрены ст. 91 УПК РФ, тогда как его мотивы как раз и заключаются в пресечении попыток лица скрыться, иным образом противодействовать предварительному расследованию или продолжать преступную деятельность [6, с. 46 ; 43, с. 331]. Однако с подобной точкой зрения согласиться достаточно сложно, поскольку она предполагает нарушение логического единства методологии уголовно-процессуальной деятельности. Исходя из данной позиции одним и тем же юридическим фактам придается совершенно различное значение. Применительно к мерам пресечения – это основания; а применительно к задержанию – почему-то мотивы. Ввиду близости целей всех этих мер процессуального принуждения несправедливость подобных суждений представляется вполне очевидной.

Более того, лингвисты вообще толкуют понятие «мотив» как побудительную причину, повод к какому-нибудь действию⁸. Мотив всегда имеет внутренний, субъективный характер, связанный с умственным, психическим отношением какого-либо субъекта к достижению определенной цели. Поэтому большинство ученых процессуалистов придерживаются противоположного, и, на наш взгляд, совершенно справедливого мнения, что мотивами задержания являются внутренние побуждения должностных лиц органов дознания или предварительного следствия, применяющих данную меру принуждения в конкретных условиях [13, с. 32–35 ; 18, с. 142 ; 22, с. 27 ;

⁸ Толковый словарь русского языка // URL: <http://www.vedu.ru/expdic/16100/>

23, с. 88–89]. Мотивы так же, как и основания для задержания, производны от его целей, однако представляют собой результат внутренней, мыслительной деятельности соответствующего субъекта и, следовательно, не могут быть стандартизированы и, тем более, формализованы в законе. Иное противоречило бы принципу свободы оценки доказательств. Тогда как основания для задержания, наоборот, подлежат прямому закреплению в тексте Уголовно-процессуального кодекса.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о необходимости изменения законодательных подходов к основаниям для задержания подозреваемого. Очевидно, что ввиду близости его целей с целями мер уголовно-процессуального пресечения, основания для задержания должны быть сформулированы с учетом правовой преемственности к ст. 97 УПК РФ. Иными словами, подозреваемый может быть задержан лишь при наличии достаточных оснований полагать, что он скроется от дознания, предварительного следствия или суда; может продолжать заниматься преступной деятельностью; может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу; создаст препятствия для исполнения приговора или своей экстрадиции.

Что же касается правовой гипотезы, сформулированной в ст. 91 УПК РФ, то,

на наш взгляд – это основания для подозрения лица в совершении преступления, позволяющие органу дознания или следователю предположить (выдвинуть версию) о совершении лицом преступления при отсутствии достаточных доказательств для предъявления ему полноценного обвинения. Причем подозрение в совершении преступления вовсе не влечет за собой его задержание, равно как и обвинение не влечет обязательное заключение лица под стражу. В этой связи мы совершенно согласны с И.М. Гуткиным, что необходимость неотложного заключения под стражу не может быть объяснена лишь наличием оснований для подозрения [9, с. 32]. Для этого нужны самостоятельные основания, аналогичные тем, которые сформулированы в ст. 97 УПК РФ.

В этой связи некоторые современные авторы, даже выдвигают идеи о процедурном разграничении процессуального акта задержания подозреваемого с актом привлечения лица в качестве подозреваемого [37, с. 110] и пишут о необходимости введения в сферу уголовно-процессуальной науки и предмет уголовно-процессуального регулирования отдельной фигуры «заподозренного» [16, с. 10 ; 36, с. 1479]. Однако ввиду ограниченного объема настоящей статьи мы не будем углубляться в эти вопросы, предполагая вернуться к их рассмотрению в последующем.

Пристатейный библиографический список

1. Авдеев В.Н., Богацкий Ф.А. Подозреваемый в уголовном судопроизводстве России. Калининград: КЮИ МВД России, 2006.
2. Арзумян Т.М. О фигуре подозреваемого // Социалистическая законность. 1956. № 10.
3. Багаудинов Ф.Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений. М.: Юрлитинформ, 2004.
4. Березин М.Н., Гуткин И.М., Чувилов А.А. Задержание в советском уголовном судопроизводстве. М.: Академия МВД СССР, 1975.
5. Веретенников И.А. Задержание подозреваемого как комплексный правовой институт: дис. ... канд. юрид. наук. М.: ЮИ МВД России, 2001.
6. Гаврилов Б.Я., Ильюхов А.А., Новиков А.М., Османова Н.В. Досудебное производство в уголовном процессе. М.: Юнити-Дана, 2015.
7. Галкин И.С., Кочетков В.Г. Процессуальное положение подозреваемого. М.: Юридическая литература, 1968.

8. Григорьев В. Н. Задержание подозреваемого. М.: ЮрИнфор, 1999.
9. Гуткин И. М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания: учеб. пособие. М.: Академия МВД СССР, 1980.
10. Гуткин И. М. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М.: ВШ МООП РСФСР, 1963.
11. Давлетов А. А. Подозрение и защита: учеб.-практ. пособие. Екатеринбург: Президиум Свердловской областной коллегии адвокатов, 1997.
12. Зайцев О. А., Смирнов П. А. Подозреваемый в уголовном процессе. М.: Экзамен, 2005.
13. Зайцева Л. Л., Пурс А. Г. Задержание в уголовном процессе Республики Беларусь. Минск: Харвест, 2011.
14. Карнеева Л. М. К вопросу о подозреваемом в советском уголовном процессе // Советская криминалистика на службе следствия: сб. статей. Вып. XII. М.: Госюриздат, 1959.
15. Карнеева Л. М. Подозреваемый в советском уголовном процессе // Социалистическая законность. 1954. № 12.
16. Клепов М. Н. Теория и практика становления процессуального статуса подозреваемого в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: МА МВД России, 2002.
17. Клюков Е. М. Мера процессуального принуждения. Казань: Казанский государственный ун-т, 1974.
18. Коврига З. Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж: Воронежский государственный ун-т, 1975.
19. Козловский Н. А. Подозрение в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск: СЮИ, 1989.
20. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под общ. ред. В. Т. Томина. М.: Вердикт, 1996.
21. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РФ / отв. ред. Д. Н. Козак, Е. Б. Мизулина. М.: Юристъ, 2003.
22. Копылова О. П. Меры принуждения в уголовном процессе. Тамбов: Тамбовский государственный технический ун-т, 2011.
23. Корнуков В. М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов: Саратовский ун-т, 1978.
24. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. М.: Юридическая литература, 1989.
25. Лившиц Ю. Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М.: Юридическая литература, 1964.
26. Лившиц Ю. Д., Гинзбург А. Я. Меры пресечения и задержание в советском уголовном процессе: учеб. пособие. Алма-Ата: Алма-Атинское отделение ФЗО ВШ МВД СССР, 1961.
27. Луговец Н. В. Задержание подозреваемого и иные меры процессуального принуждения: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: СЮИ МВД России, 2004.
28. Михайлов В. А. Меры пресечения в советском уголовном судопроизводстве. М.: Академия МВД СССР, 1991.
29. Михайлов В. А. Методологические основы мер пресечения. М.: Академия управления МВД России, 1998.
30. Панокин А. М. Задержание подозреваемого в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 4 (29).
31. Пантелеев И. А. Проблемы совершенствования института подозрения в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург: Уральский ин-т МВД России, 2000.
32. Россинский С. Б. Права граждан при задержании. М.: Минюст России, 2012.
33. Россинский С. Б. Уголовный процесс: учебник. М.: Эксмо, 2009.
34. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник / под ред. А. В. Смирнова. 3-е изд. М.: КноРус, 2007.
35. Соловьев А. Д., Гельфанд И. А. Задержание подозреваемого и применение мер пресечения / отв. ред. И. Д. Бондаренко. Киев: МООП Украинской ССР, 1964.
36. Сопнева Е. В. Заподозренный как способ выражения подозрения // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7 (44).

37. Сопнева Е.В. Статусы подозрения и обвинения в уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2015. № 7.
38. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968.
39. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М.: Наука, 1970.
40. Ткачева Н.В. Меры пресечения, не связанные с заключением под стражу в уголовном процессе России. Челябинск: Южно-Уральский госуниверситет, 2004.
41. Токарева М.Е., Буланова Н.В., Быкова Е.В., Власова Н.А., Руденко С.В. Меры процессуального принуждения в досудебном производстве по уголовным делам / под ред. М.Е. Токаревой. М.: Юрлитинформ, 2005.
42. Толковый словарь русского языка // URL: <http://www.vedu.ru/expdic/16100/>.
43. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова. 3-е изд. М.: Норма, 2013.
44. Уголовный процесс: учебник / под ред. В.А. Лазаревой. М.: Юстиция, 2015.
45. Уголовный процесс: учебник / под ред. В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко, А.Д. Прошлякова. М.: Волтерс Клувер, 2011.
46. Уголовный процесс: учебник / под ред. К.Ф. Гуценко. М.: Зерцало, 2005.
47. Шпилев В.Н. Участники уголовного процесса. Минск: Белорусский государственный ун-т имени В.И. Ленина, 1970.
48. Якимович Ю.К. Участники уголовного процесса. СПб.: Юридический центр, 2015.

**Издательство «Юрлитинформ»
предлагает вниманию читателей новые книги**

- **Семенцов В.А., Науменко О.А.**
Обеспечение прав личности при производстве дознания
- **Абдуллоев П.С.**
Международно-правовая помощь при собирании и проверке доказательств по уголовным делам (по материалам Республики Таджикистан и Российской Федерации)
- **Балакшин В.С.**
Оценка допустимости доказательств в российском уголовном процессе
- **Бунова И.И.**
Участие переводчика в уголовном судопроизводстве
- **Закотянский А.С.**
Проблемы использования непроцессуальной информации в доказывании по уголовным делам
- **Некрасов С.В., Сильнов М.А.**
Пособие для участников уголовного процесса (правовые разъяснения)

Заявки на приобретение изданной литературы направляйте по адресу:

**119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 6
ООО Издательство «Юрлитинформ»
тел. (495) 697-77-45, тел./факс (495) 697-16-13
E-mail: zakaz@urlit.ru**